

30 АПР 1984

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

после премьеры

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Здравствуй, Маяковский!

Режиссер-оператор Центрального телевидения Ю. Белякин давно уже известен как создатель многих фильмов о выдающихся мастерах искусства. Толстой, Рерих, Коненков, Маяковский, Шостакович, Шкловский, Свиридов, Леонов. Тактакишвили — вот герои его лент. Ю. Белякин не претендует на искусствоведческую полноту, на биографическую завершенность. Он пытается создать обобщенный силуэт внутреннего мира творца.

Фильм «Воскреси — свое дожить хочу!», который Ю. Белякин сделал по сценарию С. Бобкова, очень трудно переводим на язык критической прозы потому, что авторы раскрывают поэзию слова поэзией кинематографа. Благодаря безграничной вере в язык кино и виртуозному владению им создатели картины достигают эффекта там, где не помог бы самый изощренный комментарий. Вот пример из начала фильма. Известные строки о «большелобом химике», ищущем, кого бы воскресить, ложатся на кадры некоего хранилища скульптурных изображений разных людей разных эпох. А среди них Пуш-

кин, Достоевский, Маяковский. Это снято так, что вы почти с полной достоверностью представляете себе и напряженный лоб «химика», и безмолвное отчаяние небытия, и свою собственную ответственность за память об ушедших навсегда.

Так очень лаконично и емко выражена сверхзадача фильма: воскресить, то есть пережить заново хотя бы некоторые страницы жизни Маяковского. В зависимости от того, какой поэтический и биографический материал хочет «оживить» режиссер, меняется и способ раскрытия темы. Ту часть, которую условно можно назвать «Детство и отрочество», он вместе со сценаристом С. Бобковым строит на хронологической основе. К стихам Маяковского о детстве, к его скучным воспоминаниям, к семейным фотографиям прибавлено очень немного: несколько кадров грузинского сельского быта, интерьер древнего храма, панорамы долин, гор Грузии...

Каждый кадр в фильме приобретает значение символа. Вековая мудрость, вековая молодость; солнце, хлеб и ви-

но Грузии — так читаются увиденные кинокамерой в общем-то много раз снятые образительные мотивы. Нет, не зря кино называют иногда «волшебным фонарем».

По главам жизни зрелого Маяковского нас провозит много раз воспетый им трамвай. «Трамвай «Воспоминание» — документальная метафора — очерчивает круг людей и событий, отмечая их остановками: В. Хлебников, М. Цветаева, В. Мейерхольд... Строки Маяковского чередуются со строками о нем. По силе выразительности хотел бы выделить один эпизод из эпизодов. Щемящие строки поэта удивительно сильно и удивительно просто «воскресила» лента. Трижды повторяется один и тот же кадр из «Барышни и хулигана», где Маяковский благоговейно целует край платья своей возлюбленной, и достиг эффекта, невозможного для любого словесного комментария к стихам.

Так же просто и с той же грустной радостью Маяковский встречается в фильме с поэтами Грузии, которых он знал и любил.

Накрывается праздничный грузинский стол. Льется вино. Возникают лица поэтов. Паоло Яшвили, Тициан и Галактион Табидзе, Георгий Леонидзе, Симон Чиковани. Маяковский здороваются с каждым из них и слышит в ответ приветствия на грузинском — языке своей юности. Ната Вачнадзе приносит тост в честь славного гостя. И путешествие трамвая, и символическое застолье не только поэтическая метафора. Дело в том, что фильм ненавязчиво подводит нас к мысли, что, если бы «большелобый химик» действительно взялся воскресить Маяковского, то ему предстоял бы нелегкий труд, потому что поэт, несомненно, потребовал бы воскрешения тех, кого он успел узнать и полюбить в отрочесные ему годы. А без них, наверное, не захотел бы «доживать свое».

Я надеюсь, что чтения Маяковского «голосом» авторов фильма откроет нечто новое даже для тех, кто хорошо знает творчество поэта.

Д. ОГАНЯН.